

Выпускъ 42.

Д-ръ Юлій Гаджега.

Два историческихъ вопроса.

(Старожили-ли карпатороссы и
о началахъ христiанской рели-
гiи на Подкарпатской Руси).

Цѣна 5 кч.

1928

Типографiя Юлія Фелдешiя въ УжгородѢ.

Предисловіе.

Годинка, разбирая вопросъ, являются-ли русскіе коренными жителями въ Мадьяріи, замѣчаетъ, что онъ только резюмируетъ то, что сказано по этому поводу до его времени.

Я тоже не хочу хвалиться, что дамъ въ настоящемъ этюдѣ какой-либо новый матерьялъ.

Это новое — едва-ли оно и можетъ быть представлено на заданную тему. Разрѣшеніе вопроса въ данномъ случаѣ болѣе зависитъ отъ оцѣнки данныхъ, какъ это и будетъ видно изъ послѣдующаго.

Я полагаю, что пока болѣе призванныя къ рѣшенію подобныхъ вопросовъ лица дадутъ на него исчерпывающій отвѣтъ, дадутъ полное освѣщеніе нашей темы, и этотъ скромный этюдъ можетъ удовлетворить читателей. Особенно, думаю, онъ послужитъ на пользу составителямъ учебниковъ.

Ужгородъ, Праздникъ св. славянскихъ апостоловъ, св. Кирилла и Меѳодія. 1928. г.

Авторъ.

Вопросы — о первобытномъ населеніи Подкарпатской Руси и о началѣ христіанства на Подкарпатской Руси являются вопросами наиболѣе острыми при установленіи взаимныхъ отношеній двухъ націй прежней Мадьяріи: націй русской и мадьярской. Особенно часто задавали вопросъ мадьярскіе историки — являются-ли русскіе на территоріи Мадьяріи *старожилами*, и какое участіе принимала восточная церковь въ обращеніи мадьяръ въ христіанство. Такимъ образомъ на мадьярскомъ языкѣ въ этомъ отношеніи существуетъ цѣлая литература.

На разбираемые вопросы различные авторы различно отвѣчали. Многіе изъ нихъ, рѣшая эти вопросы, руководились не только научными доказательствами, какъ слѣдовало-бы ожидать, но и національнымъ предубѣжденіемъ. Существуетъ два крайнихъ мнѣнія, а именно, по мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ русскіе въ древней Мадьяріи не только не являлись коренными жителями, но переселились въ нее въ достаточно позднее время, въ XIII—XIV. вѣкахъ, по приглашенію такъ называемыхъ кенизовъ (управляющими доминіями мадьярскихъ вельможъ), и то въ качествѣ крѣпостныхъ. Главнымъ представителемъ такого мнѣнія является Антонъ *Годинка* (A munkácsi görög-kath. püspökség története. Исторія мукачевскаго греко-каѳолическаго епископства, Будапештъ, 1909, стр. 58—89.) Ему слѣдуетъ въ разрѣшеніи вопроса мадьярскій академикъ, Іоаннъ *Корачоній* въ своей

О первобытномъ населеніи и о началѣ христіанства на П. Руси

пропагандіонной книгѣ временъ міровой войны (A magyar nemzet történeti joga hazánk területéhez a Kárpátoktól le az Adriáig. Nagyvárád, 1916. Историческое право мадьярской націи на территории нашей родины отъ Карпатъ до Адриатическаго моря), дръ Александръ *Бонкало* въ подобной-же пропагандіонной брошюрѣ, появившейся на нѣмецкомъ языкѣ (Die ungarländischen Ruthenen, Sonderabdruck aus „Ungarische Jahrbücher“, Band. I. Рутены Мадьяріи. Отдѣльный оттискъ изъ „Мадьярскаго Ежегодника“ т. I.). Представителемъ противоположнаго крайняго мнѣнія является Карлъ *Мейсарошъ*, весьма заслуженный историкъ, изложившій исторію русскихъ древней Угорской Руси, начиная съ глубокой древности и до пришествія мадьяръ (A magyarországi oroszok története. Irta Mészáros Károly. Pest 1850. Исторія мадьярскихъ русскихъ. Написалъ Карлъ Мейсарошъ. Пештъ 1850).

Относительно начала христіанства на территории древней Мадьяріи существуютъ также различныя мнѣнія. Крайности представлены сужденіями слѣдующихъ историковъ: Іоаннъ *Корачоній* и Карлъ *Мейсарошъ*. Первый въ своемъ учебникѣ исторіи церкви въ Мадьяріи (Magyarország egyháztörténete főbb vonásaiban 970—1900-ig. — Церковная исторія въ Мадьяріи въ ея главныхъ чертахъ отъ 970 по 1900 г. г.) и въ многочисленныхъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ различныхъ журналахъ, отрицаетъ какое либо участіе восточной церкви при распространеніи христіанства въ эпоху образованія мадьярскаго государства, Мейсарошъ-же, наоборотъ, предоставляетъ восточной церкви преобладающую роль въ этомъ отношеніи, продолжающуюся до царствованія Коломана (1095—1116). Ниже, какъ увидимъ, окажется, что правда въ отношеніи этихъ

вопросовъ, какъ и многихъ другихъ лежитъ посерединѣ этихъ двухъ крайностей.

Впрочемъ, еще и въ настоящее время нѣкоторые авторы и ученые изслѣдователи историческихъ вопросовъ не прочь находить въ законодательствѣ св. Ладислава (1077—1095) слѣды обычаевъ восточной церкви. Таково мнѣніе Д-ра Я. *Стринскаго*; ему слѣдуетъ И. *Контратовичъ*, говоря: „Въ законахъ св. Володислава видиме слѣды законодательства восточной церкви“, не говоря уже о прочихъ „историкахъ“, представляющихъ мукачевское епископство, какъ „самимъ св. Меѳодіемъ устроенное епископство“. (Относительно законодательства св. Владислава см.: *Исторія Подкарпатскоѣ Руси для народа*. Составилъ о. Ириней Мих. Контратовичъ, Ужгородъ, 1924., стр. 22).

Поэтому я постараюсь на основаніи данныхъ, имѣющихся уже въ распоряженіи науки и на основаніи объективнаго изученія и безпристрастной оцѣнки дать по возможности исчерпывающій отвѣтъ на поставленные вопросы.

І. *Корачоній* въ своей вышеуказанной книгѣ говоритъ, что только начиная съ 1799 года нѣкоторые ученые, какъ напр. *Базилевичъ*, начали утверждать, что русскіе въ Мадьяріи, т. е. на территоріи позднѣйшей Мадьяріи, жили уже до пришествія мадьяръ или, въ крайнемъ случаѣ, они поселились тутъ одновременно съ мадьярами. Это утвержденіе Корачоній противопоставляетъ тѣмъ, кто считаетъ русскихъ кореными жителями позднѣйшей мадьярской территоріи. Однако, по самому существу своему, самый фактъ такого утвержденія не значитъ ничего болѣе, какъ то, что въ это время начинается культурное и національное пробужденіе Мадьяріи. До того

І. Являются ли русскіе въ древней Мадьяріи (особенно на П. Руси) кореными жителями?

времени подобные вопросы не волновали мадьярскую общественность.

Приблизительно въ это же время нѣкоторые изъ нашихъ культурныхъ и общественныхъ дѣятелей заинтересовались этимъ вопросомъ. Напр. Иванъ Семеновичъ *Орлай* посвятилъ небольшой трудъ этому вопросу подъ заглавіемъ: „Исторія о Карпато-россахъ или о переселеніяхъ россіянъ въ Карпатскіе горы и о приключеніяхъ съ ними случившихся“ (см. Матеріалы по исторіи возрожденія Подкарпатской Руси. Собралъ И. С. *Свѣнцицкій*. Львовъ, 1906, стр. 56—83). Юрій *Венелинъ* писалъ объ этомъ подъ заглавіемъ: „Нѣсколько словъ о Россіянахъ Венгерскихъ, а также одно словцо историческое о православной греко-каѳолической восточной церкви въ Венгріи“. Мимоходомъ отмѣчаю, что настоящее сочиненіе является самымъ раннимъ изъ всѣхъ его трудовъ и, что согласно примѣчанію его родственника Молнара, писано „въ бытность Венелина еще въ Кишеневѣ“. Это сочиненіе dokonчено не было (см. указанныя собранія Свѣнцицкаго стр. 86—106.) Изъ вышеупомянутыхъ двухъ авторовъ болѣе обоснованнымъ является Венелинъ, а матерьяломъ для обоихъ является, касательно древнѣйшихъ временъ, свѣдѣнія, сохраненныя безымяннымъ секретаремъ короля Белы (Anonymus Belae regis).

Оба автора — Орлай и Венелинъ — полагаютъ, что русскіе поселились на территоріи позднѣйшей Мадьяріи одновременно съ мадьярами. Послѣ занятія Панноніи (о которой Венелинъ ошибочно полагаетъ, что она обозначаетъ всю территорію древней Мадьяріи), мадьяры и русскіе раздѣлили ее между собой. Русскіе заняли верхнюю часть края, однако замки свои воздвигали въ разныхъ частяхъ

Мадьяріи. Такъ напр. при Братиславѣ они соорудили называемый мадьярами — Oroszvár („русская крѣпость“). Позднѣе въ различное время поселились русскіе колонисты и въ другихъ частяхъ Мадьяріи. Одновременно Венелинъ излагаетъ семейныя связи властелиновъ Россіи и мадьярской династіи Арпадовичей и примѣчаетъ: „Карамзинъ правъ, когда говоритъ: „Вѣроятно, что сей брачный союзъ (т. е. Андрея съ русской княжной Анастасіей) служилъ поводомъ для нѣкоторыхъ россіянъ переселиться въ Венгрію“.

Лучкай также считаетъ русскихъ коренными жителями Мадьяріи. Почти всѣ старшіе мадьярскіе историки этотъ вопросъ разрѣшали такимъ образомъ и самымъ радикальнымъ изъ нихъ является *Дечій*. Полное заглавіе его сочиненія, посвященнаго епископу Бачинскому, слѣдующее: „A magyar oroszokról való igen rövid elmélkedés, melyet irt Décsy Antal“. Kassa 1797. (Очень краткое размышленіе о мадьярскихъ русскихъ. Кошицы 1797. См. мадьярскій еженедѣльникъ: Kelet отъ 25 октября 1891 г.) Дечій того мнѣнія, что русскіе переселились въ Мадьярію еще во времена Атилы съ семью мадьярскими вождями. Это мнѣніе приводимъ, какъ куріозъ. Однако совершенно правъ Мейсарошъ въ томъ, что всѣ древніе мадьярскіе историки *считаютъ русскихъ коренными жителями Мадьяріи*. Изъ числа этихъ старшихъ историковъ самыми выдающимися являются: Карлъ *Пальма*, умершій въ 1787 г., Стефанъ *Катона* (1732—1811) и Изаій *Будай*.

Пальма разбираетъ этотъ вопросъ въ своемъ большомъ трудѣ, состоящемъ изъ нѣсколькихъ частей: Notitia rerum Hungaricarum, Editio III, pars I, Pestini, Budae et Cassoviae“. (Свѣдѣнія о мадьярскихъ дѣлахъ). Мнѣніе

Пальмы можно резюмировать слѣдующимъ образомъ:

Въ 884 году мадьяры двинулись въ дальній путь. Впервые они появились на берегахъ Волги, и переплывъ ее съ помощью кожаныхъ мѣховъ, дошли до Кіева, гдѣ и поселились. Они побѣдили русскихъ, объединившихся съ куманами и подчинили себѣ ихъ страну. У Кіева мадьяры оставались нѣсколько лѣтъ. Потомъ *къ нимъ присоединились многіе изъ кумановъ и русскихъ* и всѣ затѣмъ двинулись въ 886 году въ Лодомерию и Галицію, а оттуда, переправившись черезъ Карпаты, заняли комитаты: Мараморошскій, Бережскій и Ужскій. Мадьярскій вождь Альмъ остановился при рѣки Унгъ (Ung). Замокъ Унгъ (Arch Ungensis) сталъ къ нему во враждебныя отношенія, такъ какъ владѣлецъ замка, Лаборецъ отклонилъ предложеніе Альма о союзѣ и вслѣдствіе этого былъ убитъ. Альмъ захватилъ замокъ Унгъ, передалъ его во владѣніе сыну своему Арпаду, а самъ возобновилъ кровный союзъ, заключенный еще въ Скиѳіи съ куманами и русскими. Арпадъ желалъ укрѣпить свои близкія отношенія съ русскими и поэтому женился на русской княжнѣ. Послѣ этого дружба между русскими и мадьярами не прекращалась и участились взаимныя бракосочетанія. Въ дальнѣйшемъ Пальма отвергаетъ мнѣніе Анонима, по которому мадьяры — угры — венгры получили свое имя по замку Унгъ (Ungvár), сначала назывались они unguri, а потомъ ungari. Самъ онъ производитъ это имя отъ слова Ung-Úr (владѣлецъ Унга), откуда — unguri, *ὀυγγροι, οὐγγροι*. Константинъ Порфирогенитосъ называетъ ихъ турками, однако у прочихъ греческихъ писателей встрѣчаемъ имена: *ὀυγγροι, ungri, ungari*, а отсюда Hungari. Сами же ма-

дьяры сохранили свое отеческое наименованіе — Magyar; вмѣсто котораго греки, не умѣющіе произнести его, писали *magaroi*. Мадьярскій вождь Золтанъ поселилъ русскую колонію въ комитатъ Мошонъ, память о чемъ сохранилась въ наименованіи русской крѣпости сооруженной при Братиславѣ: Oroszvár.

Приблизительно такимъ же образомъ начало мадьярской государственности и заселеніе Подкарпатской Руси представляетъ и Катона (см. I-ый томъ его колоссальнаго труда, состоящаго изъ 42 томовъ „*Historia pragmatica Hungariae*“; Прагматическая исторія Мадьяріи, Budaе 1782). Катона и Пальма расходятся только въ незначительныхъ подробностяхъ. Катона, въ противовѣсъ Пальмѣ, указываетъ первую остановку союзныхъ русскихъ и мадьяръ въ районѣ Мукачева, которое получило наименованіе въ связи съ воспоминаніемъ о тѣхъ большихъ трудахъ, которые были перенесены путешественниками, пока они достигли города Munkács (мука, munka — трудъ). Отсюда союзники направились къ замку Унгъ и назвали себя, яко-бы въ память этого событія — Hungari.

По существу анаголично излагаетъ исторію древней Мадьяріи и Будай. Онъ согласовываетъ несущественныя расхожденія древнихъ мадьярскихъ, русскихъ и греческихъ источниковъ. „Между Несторомъ и Анонимомъ, — говоритъ Будай, — разница только въ томъ, что Несторъ замалчиваетъ о побѣдѣ мадьяръ надъ русскими. Если же Порфирогенитосъ говоритъ, что мадьяры прибыли изъ Молдавіи, а Анонимъ изъ Галиціи, то это не является противорѣчіемъ, ибо не приходится думать, объясняетъ Будай, что мадьяры дѣйствительно прибыли черезъ Валахію, какъ объ этомъ говоритъ Порфирогенитосъ, а по

Анониму изъ Галиціи, какъ объ этомъ полагалъ Pray (1724—1801, *Annales veterum Hungarorum, Avarorum et Hungarorum*. Лѣтопись древнихъ гунновъ, аваровъ и мадьяръ). Порфирогенитосъ только описываетъ то мѣсто, гдѣ мадьяры пребывали послѣ вытѣсненія ихъ изъ Этелькеза. Сюда же они могли отправиться и черезъ Галицію. (Budai Ézaiás: *Magyarország Históriaja*. Исторія мадьяръ отъ Изаія Будая).

Вотъ тѣ взгляды старшихъ мадьярскихъ историковъ, касательно первобытности русскихъ въ Мадьяріи. Аналогичное мнѣніе встрѣчаемъ и у ихъ послѣдователей изъ числа болѣе позднихъ историковъ. Изъ нихъ, какъ уже отмѣчено, самымъ радикальнымъ является Мейсарошъ. Главныя мысли его сводятся къ слѣдующему.

Безспорно, что русскіе въ Мадьяріи пребывали уже отъ самыхъ древнихъ временъ. Объ этомъ явно свидѣтельствуешь географическая номенклатура, объ этомъ говорятъ названія многихъ рѣкъ, мѣстъ и долинъ, гдѣ русскіе обосновались. Такъ напр. — Дунай = *Ister*, быстрый; Геродотъ говорилъ, что Истеръ своимъ теченіемъ пересѣкаетъ среднюю Европу и впадаетъ въ Эвксинскій понтъ, т. е. Черное Море. *Tisa* также слово русское — тихій. Карпатъ является варіантомъ *горбатъ* (подробно объ этомъ говоритъ Лучкай). Токай названъ по своему мѣстонахожденію при стеченіи рѣкъ Бодрога и Тисы (стокъ). Токай и Тарцаль существовали уже во время прибытія мадьяръ и находились во владѣніи русскихъ. Древніе писатели всѣ согласны съ тѣмъ, что русскіе являются коренными жителями позднѣйшей Мадьяріи.

Въ дальнѣйшемъ Мейсарошъ приводитъ мнѣніе французскаго писателя — барона

Gauyla, считавшаго въ своемъ разсужденіи о русскихъ въ Мадьяріи самихъ русскихъ — французскаго происхожденія. Къ его мнѣнію примкнулъ и Павелъ Нодъ (см. стр. 22.). Самъ Мейсарошъ это мнѣніе, какъ ни на чемъ не обоснованное, рѣшительно отвергаетъ.

Многіе русскіе пришли въ Мадьярію съ Аттилою. Многіе даже считаютъ языкъ гунновъ и русскій языкъ — однимъ языкомъ.

Переселеніе народовъ приносило съ собой все новыя и новыя массы русскихъ. Вскорѣ прибыли и мадьяры, заняли Кіевъ и тамъ на время поселились. Однако русскіе были побѣждены мадьярами и сдѣлались ихъ рабами.

Естественно, что съ теченіемъ времени русскія поселенія подкрѣплялись все новыми переселеніями, изъ которыхъ наиболѣе извѣстнымъ является 1360 года при Людовикѣ Великомъ (1342—1382), когда явился со своимъ дворомъ и поселенцами Федоръ Коріатовичъ.

Другой мадьярскій историкъ — Θεодоръ *Легоцкій*, — также присоединяется къ подобному мнѣнію Мейсароша. Легоцкій говоритъ, что мадьяры во время своего пребыванія на территоріи Бережской жупы уже нашли тамъ русскія поселенія. Отъ Мукачева и до Бескида русскіе пастухи пасли свои стада въ огромныхъ лѣсахъ.

Многіе изъ русскихъ, прибывшихъ одновременно съ мадьярами, расположились въ пограничныхъ полосахъ своей новой родины въ качествѣ пограничной стражи и на ихъ языкѣ эти области назывались *краинами* (крайна). (См. Lehoczky Tivadar: A beregmegyei lelkészségek története a XIX század végéig. Munkács, 1904. — Исторія бережскихъ приходовъ до XIX столѣтія).

Годинка всё эти мнѣнія отвергаетъ съ высокопарными насмѣшками и говоритъ объ учености „конфессіональных“ писателей съ презрѣніемъ („felekezeti írók állításai“), хотя и Будая, и Мейсароша, и Легоцкаго, не говоря уже о прочихъ, никакъ нельзя назвать писателями „конфессіональными“.

По мнѣнію *Годинки* русское населеніе древней Мадьяріи ни въ какомъ случаѣ не старше XIII вѣка и для подтвержденія своего домысла онъ не принимаетъ никакихъ другихъ аргументовъ, кромѣ того, что подробно останавливается на описаніи линій пограничныхъ укрѣпленій (по древне-мадьярски — *gyerővonai*) и королевскихъ донацій временъ Арпадовичей, указывая при этомъ, что области нынѣ заселенныя русскими въ древности представляли собою непроходимыя лѣса. Въ этомъ и заключается основная идея всѣхъ разсужденій *Годинки*. Начинаетъ онъ съ того, что желаетъ опредѣлить языковую „рутенскую“ границу.

Отъ границы Мрамороша вплоть до Хуста на лѣвомъ берегу Тисы расположены, за исключеніемъ двухъ, все „рутенскія“ села. Иностранные этнографы говорятъ, что отъ Хуста и до Земплинскихъ горъ проживаютъ „рутены“ (*Šafařík*, Головацкій, *Bidermann*, Петровъ). Дальше на югъ граница между „рутенами“ и словаками очень шатка. По даннымъ регистровъ о десятинахъ можно опредѣлить, что здѣсь существовали по большей части русскія ссѣд, впослѣдствіи ословаченныя. Предпославъ это, можно дать отвѣтъ на интересующій насъ вопросъ, а именно — когда здѣсь поселились „рутены“?

Хорошо извѣстный баварскій географъ приводитъ цѣлый рядъ славянскихъ племенъ еще до прихода мадьяръ, возможно, что два или

три племени изъ нихъ придется и на долю „рутенской“ земли (Schafarik: Slavische Altertümer, II.), однако является при этомъ вопросъ — были-ли они сами „рутенами?“

Анонимъ говоритъ съ полной опредѣленностью, что „рутены“ прибыли одновременно съ мадьярами. Опредѣленность утверждениа Анонима ввела въ заблужденіе и Бидерманна.

Въ лѣтописи Нестора о Галичѣ нѣтъ свѣдѣній ранѣе 1098 года, Суздаль-же упоминается только въ 1200 году. Такъ какъ Несторъ и прочіе лѣтописцы не говорятъ о присоединеніи „рутеновъ“ къ мадьярамъ, очевидно, что эти данныя принадлежатъ исключительно Анониму.

Мы не можемъ принять за основу нашихъ разсужденій свѣдѣніа Анонима, ибо оно ничѣмъ не подтверждается и, напротивъ, все говоритъ противъ него. Не можемъ также принять и свѣдѣніа о донаціи русской крѣпости (Oroszvár) вождемъ Жольтъ. Позднѣйшія данныя указываютъ, что Жольтъ поселилъ тутъ бессерменовъ (bisseni), а такимъ образомъ Oroszvár должно было бы читать: Bessenyoŵvár. Современные писатели и вмѣсто bissenі читаютъ въ грамотахъ rutheni.

Изъ всѣхъ утвержденій Анонимуса можемъ принять только то, что „рутены“ находились въ различныхъ частяхъ Мадьяріи, но эти данныя относятся уже ко времени послѣ 1098 года, то есть къ эпохѣ уже послѣ образованія Галицкаго княжества. Анонимъ не утверждаетъ однако, что они поселились въ ихъ нынѣшнемъ мѣстожителѣствѣ (Подкарпатская Русь).

Первое упоминаніе о „рутенахъ“ въ нынѣшнемъ ихъ мѣстожителѣствѣ, а именно въ районѣ Марковце-Чемерне и Лесна относятся къ 1254 году.

Языковая граница „рутеновъ“, въ большинствѣ случаевъ совпадала съ пограничной линіей временъ Арпадовичей. Согласно Анониму, эта линія была сооружена для защиты, а потому и область, непосредственно лежащая за ней, не могла быть обитаема.

Свѣдѣнія Анонима о пограничныхъ линіяхъ подтверждаются и грамотами, при чемъ направление ея въ сѣверо-восточномъ округѣ можемъ установить съ достаточной точностью. Исходной точкой этой линіи является Хустъ и она отсюда направляется къ обоимъ берегамъ Попрада.

Бела IV. (1235—1270) для защиты этой линіи противъ татаръ посылалъ палатина Діонисія въ Верецки. Пограничныя области были покрыты непроходимыми лѣсами, въ которыхъ охотились короли, такимъ образомъ это были одновременно и ловчіе округа, гдѣ содержались своры гончихъ собакъ.

Начиная съ XIII вѣка короли начали заселять эти округа и это тянулось вплоть до XVI и даже XVII вѣковъ. Такимъ образомъ эти области были заселены „рутенами“ въ различныя времена, чѣмъ объясняется ихъ этнографическія и языковыя расхожденія.

Конечно, при такомъ рѣшеніи вопроса отпадаетъ и самый фактъ прибытія „рутеновъ“ съ Коріатовичемъ. Всѣ нынѣшнія территоріи, заселенныя „рутенами“ оказываются заселенными еще крѣпостными „рутенами“ при посредствѣ *кенецовъ* мадьярскихъ вельможъ. Этой теоріи, предложенной Годинкой, слѣдуютъ и другіе, уже упомянутые мадьярскіе ученые, а именно — Корачоній и Бонкало съ цѣлю пропаганды — мадьярскаго империализма.

Бонкало приводитъ еще историко-лингвистическія доказательства и тутъ расходится

во мнѣніи съ Годинкою. Къ историческимъ документамъ Бонкало относятся въ первую очередь царскія донаціи заслуженнымъ мадьярскимъ вельможамъ въ этихъ округахъ, когорые были заселены впослѣдствіи крѣпостными „рутенами“ (см. его выше указанную брошюру: Георгій Фееръ (1766—1851): *Codex diplomaticus Hungariae*. Собрание грамотъ до 1440 года въ 40 томахъ).

Области внутри пограничной линіи составляли непроходимыя лѣса, (*silvae, forestae*), гдѣ не могло быть никакого населенія. Конечно, Ужгородъ и Мукачево (*Ungvár, Munkács*), какъ находящіеся внѣ этой линіи, и по Бонкало являются чисто мадьярскими городами.

Жупы Мараморошская, Угочская, Бережская — вплоть до XII вѣка, какъ сплошь покрытыя лѣсами, были мѣстомъ королевскихъ охотъ. „*Comitatus scilicet Ugocha et Beregh fuerunt forestae sanctorum regum*“ (стр. 221. у Бонкало: „Жупы Угочская и Бережская были лѣсами св. королей“).

Часть этихъ жупъ была подарена въ первыхъ десятилѣтіяхъ XII вѣка ягерской епархіи и, такимъ образомъ, какъ это видно изъ донаціонныхъ писемъ Белы IV-го, изъ лѣсовъ возникли новыя жупы (стр. 222.)

Въ другой грамотѣ Белы IV-го читаемъ: „...*Nos quamdam silvam nostram Regalem in districtu Scepes, ab utraque parte fluvii Poprad inter indagines regni nostri et confinia Poloniae... comiti Jordani dedimus...*“ (Мы одинъ изъ нашихъ царскихъ лѣсовъ въ уѣздѣ Спиша, по обоимъ берегамъ Попрада, между пограничными ліиіями Польши... подарили... графу Йордану... стр. 224).

Король Стефанъ V. (1270—1272) подарилъ въ 1272. году также какую-то землю неимѣющую обывателей „*terram habitatoribus desti-*

tutam in Comitatu des Sarus“) въ Шаришской жупѣ сыновьямъ Bind (стр. 224.)

Бонкало приводитъ еще нѣсколько подобныхъ доказательствъ для подтвержденія своего положенія, что области Подкарпатской Руси до XIII. столѣтія были незаселены.

Что касается его языковыхъ аргументовъ, то ихъ можно резюмировать въ слѣдующемъ. Бонкало прежде всего указываетъ на діалектическія расхожденія „рутеневъ“ сѣверянъ и южанъ (верховинцевъ и долинянъ — долишнянъ или нижнянъ). „Нижняне“, проживающіе вдоль „рутенской“ языковой линіи имѣютъ о, и, і, какъ самостоятельныя гласныя. Ихъ нѣтъ ни въ Галиціи, ни въ Буковинѣ, но зато они встрѣчаются на Волыни и въ Подоліи. Отсюда слѣдуетъ выводъ, что эти „рутены“ поселились изъ южной Россіи („Украины“) черезъ Молдавію и Трансильванію.

Въ Трансильваніи въ „Székelyföld“ „рутены“ пребывали нѣкоторое время, и въ сейкельскомъ діалектѣ поэтому имѣется большое количество славянскихъ словъ, которыя отсутствуютъ въ прочихъ діалектахъ и литературномъ языкѣ. Секели называютъ шерстяные брюки — *harisnya*, что „рутены-нижняне“ и жители Подоліи называютъ „холошни“. Вообще же принято называть „чулки“. *Ebéd* въ секельскомъ нарѣчій обозначаетъ завтракъ, подобно тому, какъ у „нижнянъ и въ Подоліи обѣдъ тоже значитъ завтракъ. „Рутены“ жили въ „Székelyföld“ еще и въ XVII. столѣтіи.

По мнѣнію Бонкало заимствованія славянскія слова въ мадьярскомъ языкѣ имѣются, однако, ни въ одномъ діалектѣ, за исключеніемъ секельскаго, нѣтъ ни одного „рутенскаго“ слова, хотя и является исторически доказаннымъ, что во время своихъ кочеваній

до занятія своего мѣста въ Европѣ, мадьяры имѣли сношенія съ южно-русскими племенами. Въ языкѣ же „рутеновъ“ нѣтъ столь древнихъ заимствованій мадьярскихъ словъ, какъ это встрѣчаемъ въ Сербокроатскомъ или словинскомъ языкахъ. При этомъ Бонкало ссылается на три яко бы мадьярско-рутенскихъ слова, которыя якобы взяты изъ мадьярскаго языка, а именно: *gomba* (по мадьярски: *gumb* = *gomb*), пуговица, затѣмъ *marokvaš* (по мадьярски: *mork* = *marok[vas]*), шинное желѣзо и *orság* (по мадьярски *urusag* = *ország*) государство.

Бонкало говоритъ, что онъ, на основаніи своихъ языковыхъ изслѣдованій, пришелъ къ заключенію, что слова, заимствованныя „рутенами“ у мадьяръ, соотвѣтствуютъ новой звуковой формаци мадьярскаго языка, откуда слѣдуетъ, что заимствование сдѣлано не ранѣе 4—5 вѣковъ назадъ.

Обратимся къ тому, что мы можемъ сказать обо всемъ этомъ?

Не станемъ опровергать утвержденій Годинки и Бонкало, мы ихъ отвергнемъ простымъ констатированіемъ фактовъ.

Самъ Анонимъ говоритъ о существованіи пограничныхъ защитительныхъ линій (*gyerüelv*), они извѣстны и у другихъ народовъ, у нѣмцевъ, чеховъ, поляковъ.

Самъ Годинка признаетъ, что грамоты не даютъ указаній, откуда шли „рутенскія“ поселенія и для объясненія ихъ прибѣгаетъ къ шаткимъ языковымъ доказательствамъ (см. Исторія Мукачев. гр.-каѳ. епископства, стр. 79.)

Если предположить начало русскихъ поселеній только въ XIII. вѣкѣ, какъ объяснить, что уже въ 1300 году въ Мараморошѣ мы встрѣчаемся съ фактомъ церковно-юрисдикціоннаго спора? (*Mihályi János: Máramarosi*

diplomák a XIV. és XV. századból, Máramaros-sziget 1900.)

Поставивъ вопросъ, откуда явились „нижняне“, пребывающіе близъ „рутенской“ языковой пограничной линіи, Бонкало недоумѣваетъ и снова прибѣгаетъ къ лингвистикѣ (см. еще „Рефлексъ словъ въ мадьярскихъ заимствованіяхъ изъ славянскаго языка“, Оскаръ Ашботъ, С. Петербургъ, 1906., однако онъ не учитываетъ того, что эту линію возможно продвинуть дальше въ жупы Саболчъ и Гайду.

Нѣкоторыя утвержденія Бонкало являются просто смѣшными; такъ напр. совершенно неизвѣстно, почему *forestae*, *silvae* слѣдуетъ переводить *Grenzenödland*, т. е. *пустынная* пограничная область, крайна.

Приведенные выше языковые аргументы не имѣютъ никакой доказательной силы по самому своему существу. *Gomba*, *marokvaš*, *orsag* являются словами не „мадьярско-рутенскими“, но чисто мадьярскими, какъ напр. и *kerék-vágás*. Слѣдуя Бонкало, можно привести очень много такихъ „мадьярско-рутенскихъ“ словъ.

Что слово обѣдъ (*ebéd*) только у „нижнянъ“ обозначаетъ завтракъ (и обѣдъ), является простой ошибкой, такъ какъ я самъ говорилъ съ однимъ юношей изъ Верецкихъ, который пользовался словомъ обѣдъ въ смыслѣ завтрака („У насъ то такъ кажутъ“).

Совершенно изумительно утвержденіе Бонкало, что въ мадьярскомъ языкѣ нѣтъ ни одного „рутенскаго“ слова.

Пусть, кто-нибудь, пользуясь утвержденіемъ Бонкало, объяснитъ происхожденіе нижеслѣдующихъ мадьярскихъ словъ изъ сербо-кroatскаго или словинскаго языка: мямлить (*mat-laskodni*), чолка (*csulka*), рѣдкій (*ritka*), жиръ (*zsir*), сукня (*szoknya*), моль (*moly*), тычинка (*tics*), колпакъ (*kalpag*), черепокъ (*cserép*), кутья

(kutya), укропъ (karor), топнуть (toppant), буй-воль (bivaly), бекешъ (bekecs) и пр. и пр.

Далѣе мы должны отмѣтить, что много русскихъ архаизмовъ встрѣчается въ „рутенскомъ“ языкѣ, на что указывалъ и Пстровъ.

Подобными аргументами самое большее можно доказать, что области Подкарпатской Руси заселялись разновременно, однако этого никто и не оспариваетъ, но зато не данъ отвѣтъ на основной вопросъ: *не является хотя часть этихъ областей заселенной русскими, какъ ея коренными жителями?*

Попытаемся дать отвѣтъ на это положеніе иными путями.

Вѣроятно я не ошибусь, если скажу, что въ разрѣшеніи историческихъ вопросовъ непосредственные историческіе аргументы должны занимать главное мѣсто.

Выдающійся мадьярскій историкъ Юлій Паулеръ вполне справедливо судить о цѣнѣ филологическихъ доказательствъ, аргументовъ, говоря: „Нельзя уменьшать важность этой сравнительно молодой науки (т. е. филологіи) относительно историческихъ результатовъ. Нѣкоторыя ея завоеванія вполне согласуются съ самыми вѣрными историческими данными. Однако въ весьма многочисленныхъ случаяхъ ея данныя являются слишкомъ проблематичными и часто нуждаются въ объясненіи при помощи исторіи. Такъ напр., когда рѣчь идетъ о различныхъ возможностяхъ заимствованія словъ, только исторія можетъ быть руководствомъ къ сужденію — какая возможность ближе всего къ истинѣ, такъ какъ она устанавливаетъ взаимоотношенія народовъ. (A magyar nemzet története sz. Istvánig, Budapest, 1900. — Исторія мадьярской націи до св. Стефаиа, стр. VIII—IX.)

Относительно нашего вопроса имѣются два

прямыхъ историческихъ свѣдѣнія, хотя и краткихъ, а именно у Нестора и у Анонима.

Несторъ (1056—1111) въ своей хроникѣ, обнимающей событія отъ начала Руси, т. е. отъ 854 г. и по 1110 года,¹ указываетъ, что угры въ концѣ IX-го вѣка, прошли мимо Кіева, перевалили Карпаты, и побѣдивъ народы, пребывавшіе по ту сторону Карпатъ, поселились при Дунаѣ, и отъ того времени эта земля называется — Угрія.

Анонимъ говоритъ обстоятельнѣе.

Его свѣдѣнія (Anonymi Belae regis Notarii: [Gesta Hungarorum] Historia Hungarica, de septem primis ducibus Hungariae. Безымяннаго нотаріуса короля Белы — Мадьярская исторія семи первыхъ вождей Мадьяріи; части VIII. и IX.) сводятся къ слѣдующему:

Въ русской средѣ мадьяры подвигались безпрепятственно до самаго Кіева. Пройдя Кіевъ и переправившись черезъ Днѣпръ, они хотѣли занять русскую землю. Узнавъ объ этомъ, кіевскій князь созвалъ своихъ вельможъ и рѣшилъ объявить войну Альму. Поэтому они обратились за помощью къ куманамъ, но будучи побѣждены, снова возвратились въ Кіевъ. Мадьяры послѣ вступили съ ними въ союзъ и, присоединивъ къ своему походу много знатныхъ русскихъ (multi de Ruthenis), прибыли на Паннонію, ихъ же (т. е. русскихъ) многіе потомки и нынѣ пребываютъ въ разныхъ частяхъ Мадьяріи.

„Munkas“, Мукачево было ихъ первымъ мѣстожительствомъ. Всѣ выводы, конечно, зависятъ всецѣло отъ того, насколько эти свѣдѣнія достовѣрны.

Мы видимъ, что относительно пребыванія мадьяръ въ Кіевѣ Несторъ и Анонимъ согласны, Несторъ только умалчиваетъ въ побѣдѣ мадьяръ надъ кіевлянами.

Достовѣрность этихъ свѣдѣній заинтересовала одного изъ старшихъ историковъ, знаменитаго Катону, а также и Будая.

Вотъ каково мнѣніе Катоны (см. часть I, §. VIII. его вышеуказанной исторіи „De rebus literariis“, О литературныхъ дѣлахъ, стр. 29.).

Если Анонимъ былъ нотаріусомъ короля Белы I-го (1060—1063), долженъ былъ родиться во время правленія святаго Стефана (997—1038). Если это такъ, то нѣтъ у насъ болѣе древняго свидѣтеля. Важно отмѣтить, что пиша о королѣ Белѣ, Анонимъ никогда не прибавляетъ „I-й“, то есть, очевидно, что послѣдующихъ королей того же имени онъ не зналъ. Однако, съ другой стороны, пиша о Стефанѣ, онъ прибавляетъ эпитетъ — святой. Канонизація св. Стефана была проведена только въ царствованіе св. Ладислава, и возможно, что Анонимъ ставитъ эпитетъ не на основаніи узаконенія святости, но на основаніи общаго народнаго мнѣнія. Однако, все же можно допустить, что Анонимъ былъ нотаріусомъ болѣе поздняго короля, а именно Белы III. (1172—1196).

Будай, по существу, говоритъ то-же самое.

Большинство современныхъ мадьярскихъ историковъ считаютъ Анонима нотаріусомъ Белы III-го и его свѣдѣнія о кievскомъ пребываніи мадьяръ, о присоединеніи многихъ русскихъ къ вождю Альму и о занятіи сѣверныхъ областей старой Мадьяріи послѣ перехода черезъ Карпаты, принимаютъ, какъ достовѣрныя.

Здѣсь уместно вспомнить о такомъ строгомъ критикѣ историческихъ источниковъ, какимъ является Юлій Паулеръ (см. Hazai kutfők. Közlik Fejérpataki László és Marczali Henrik. „Századok“ 1905. évf. Отечественные источники. Сообщаютъ Ладиславъ Феерпатакій и

Генрихъ Марцалій, въ „Századok“ 1905. г., стр. 358).

Повѣствованіе Анонима о томъ, что мадьяры (уже съ „рутенами“) прибыли съ сѣвера, поддерживается и хрониками, то же, что они явились изъ Трансильваніи, имѣется только въ позднихъ хроникахъ. Это соотвѣтствуетъ и предположенію, что районы верхней Тисы, Земплинь, Соболчъ, Боршодъ, Гевешъ и Абауй были обитаемы уже съ первыхъ вѣковъ мадьярскаго владычества, напротивъ, комитаты въ Банатѣ выступаютъ на сцену только въ XIII. вѣкѣ (см. Исторію мадьярской націи до св. Стефана подъ замѣткой 62.)

Паулеръ считаетъ ошибочнымъ мнѣніе Корачонія, что пограничныя линіи укрѣпленій находились только на границахъ государства. Напр. мѣстность „Farkasgyerű“ находится при Веспреймѣ (тамъ-же, 72.)

„Исторія гунновъ“ (A hunok története), составляющая I-ю книгу всѣхъ хроникъ, говоритъ, что гунны, услышавъ о возвращеніи мадьяръ въ Паннонію, „in Ruteniam eis occurrerunt conquestantes simul Pannoniae regionem“. Значитъ, всѣ секелы выѣхали въ „Рутенію“, а завоевавъ Паннонію, получили въ ней часть, но не въ долинахъ, а вмѣстѣ съ влахами въ Székelyföld.

Свѣдѣніе Анонима, что мадьяры (угры) получили свое названіе отъ Унга, подтверждается прочими хрониками (Képes Krónika. Иллюстрированная Хроника, Kézai Simon — Хроника Симеона Кезая).

Безспорнымъ историческимъ фактомъ является то, что мадьяры прибыли съ сѣвера, изъ Руси, что поддерживается и лѣтописью Нестора.

Въ другомъ мѣстѣ, Паулеръ называетъ

Анонима «внимательнымъ и обдуманнѣмъ писателемъ» (см. тамъ-же въ Прибавленіи стр. 202, 212 и 220). Что же касается нашей темы, то необходимо сказать, что было бы весьма удивительно, если бы Анонимъ, будучи чело-вѣкомъ XII вѣка, ничего не зналъ о томъ, что сѣверо-восточныя жупы позднѣйшей Ма-дьяріи являются незаселенными («громадные лѣса».) Если же онъ объ этомъ зналъ — и долженъ былъ знать — и все же указываетъ на пришествіе мадьяръ (съ «рутенами») съ сѣвера, изъ Галиціи, то несомнѣнно, что дѣла-етъ это сознательно и мы должны ему вѣрить.

Конечно, изъ этого еще не слѣдуетъ, что повѣствованіе Анонима дѣйствительно во всѣхъ своихъ частяхъ.

(Относительно вопроса — откуда, когда, до или послѣ пришествія мадьяръ — первые «рутены» поселились въ мадьярской землѣ Анонимъ даетъ положительныя данныя и, хотя его въ новѣйшее время во многомъ по-дозрѣваютъ, однако во многихъ частяхъ онъ достовѣренъ». См. Bidermann: Die ungarischen Ruthenen. Мадьярскіе рутены, Инсбрукъ, 1862, ч. I., стр. 6).

„Анонимъ-же говоритъ — пишетъ Бидерманнъ — что много „рутеновъ“ прибыло съ Альмомъ (Álmos) и приписываетъ имъ великія заслуги при основаніи государства“.

И въ самомъ дѣлѣ, слѣды „рутенскихъ“ поселеній встрѣчаются во всѣхъ частяхъ Ма-дьяріи, ихъ происхожденіе часто восходитъ къ X столѣтію и имѣетъ стратегическую цѣль.

Паулеръ, описывая, какъ мадьяры подъ во-дительствомъ Арпада въ 895 году (онъ при-нимаетъ эту дату) перевалили Карпаты узкимъ Веречанскимъ проходомъ и изъ Галиціи при-шли въ округа Мукачева и Ужгорода, также слѣдуетъ указаніямъ Анонима.

Подобнымъ же образомъ поступаетъ *Маркій* говоря, что Анонимъ даетъ свѣдѣнія о »нашихъ рутенахъ«, т. е. о тѣхъ, съ которыми вошелъ въ соглашеніе Альмъ.

Мы не провиняемся никоимъ образомъ противъ достоинства исторіи, если приписываемъ фактамъ XII—XIII столѣтій возвратную силу и называемъ область въ 140 тысячъ клм., находящуюся между Россіей и Мадьяріей — Ладомеріей, Галичемъ и землей рутенской. (*Márki Sándor: Európa a magyarok honfoglalása idején.* Алекс. Маркій: Европа во время занятія родины мадьярами, Будапештъ, 1897, стр. 46).

Благодаря свѣдѣнію Анонима проходъ при Верецкахъ былъ однимъ изъ семи пунктовъ, отмѣченныхъ памятной доской по поводу „*Milleniuma*“ (896—1896).

Однимъ словомъ, свѣдѣнія Анонима о первобытныхъ русскихъ не находятся въ противорѣчій съ „необитаемыми“ и „пустынными лѣсами“ царскихъ донацій (Мараморошъ, Угоча, Берегъ). Донаціи свидѣтельствуютъ о болѣе позднихъ поселеніяхъ.

Не слѣдуетъ оспаривать возможность и болѣе позднихъ поселеній изъ другихъ направлений, въ томъ числѣ и изъ Трансильваніи.

Такимъ образомъ нашимъ окончательнымъ выводомъ будетъ: *русскіе являются коренными жителями прежней Мадьяріи.*

II. Начало христіанства въ древней Мадьяріи.
(Роль восточной церкви)

Были-ли христіане на территоріи древней Мадьяріи до прихода мадьяръ, существовала-ли восточная церковь въ Панноніи, познакомились-ли мадьяры съ христіанствомъ до занятія своей родины и какую роль играла восточная церковь въ обращеніи мадьяръ въ христіанство — вотъ рядъ вопросовъ на которые мы постараемся отвѣтить въ ниже слѣдующихъ строкахъ. Schwarz Gottfried, нѣ-

мецкій ученый мадьярскаго происхожденія первый указывалъ, что мадьяры своимъ обращеніемъ въ христіанство обязаны восточной церкви (см. *Dissertatio in qua initia religionis christianae inter Hungaros, Ecclesiae Orientali adseruntur*. Разсужденіе, въ которомъ начала христіанской религіи приписываются восточной церкви, Halae, 1740.)

Слѣдую ему всѣ старшіе и многіе изъ современныхъ мадьярскихъ историковъ приписываютъ преобладающую роль въ дѣлѣ обращенія мадьяръ въ христіанство восточной церкви.

Къ числу защитниковъ мнѣнія Шварца можемъ отнести — Венелина, Орлова, Дечія, Будая, Катону (отчасти), Пальму (отчасти), Мейсароша, Карла Сабова, Михаила Горвата, Арпада Керекдьяртова, Паулера (частью).

Противъ положенія Шварца выступили: Францъ Колларъ въ „*Historia diplomatica juris patronatus apostolici Hungariae regum*“. (Исторія грамотъ права патроната апостольскаго королей Мадьяріи, Vindobonae, 1767) и Георгій Прай въ „*Annales veterum Hunnorum, Avarorum et Hungarorum*“ (стр. 328).

Въ новѣйшее время опровергалъ первенство восточной церкви въ обращеніи мадьяръ Гединка (см. Исторію мукачевскаго гр. каѳ. епископства, стр. 1—34). Этимъ же вопросомъ онъ занимался еще и въ другихъ статьяхъ. Онъ-же написалъ, между прочимъ, статью съ явно пропагандіонной цѣлью въ: *Emlékkönyv a görög szertartásu kath. magyarok római zarándoklatáról*. (Памятная книга о римскомъ паломничествѣ католическихъ мадьяръ греческаго обряда; Будапештъ, 1901).

Самостоятельно занимается этимъ вопросомъ Иліодоръ Стрипскій, но также съ про-

пагаціонной цѣлью въ пользу мадьярской литургіи.

Стрипскій все приписываетъ восточной церкви *греческаго* языка и едва-ли признаетъ какое либо участіе въ христіанизаціи Мадьярїи *русской* церкви (см. въ числѣ многихъ другихъ статей — Jegyzetek a görög kultúra Árpádkori nyomairól. Írta dr. Stripszky Híador. Записки о слѣдахъ греческой культуры во время Арпадовичей. Написаль Д-ръ Иліодоръ Стрипскій, Будапештъ, 1913).

Что касается Корачонія, то въ этомъ вопросѣ онъ является самымъ свѣдущимъ, но въ то же время и самымъ ярымъ противникомъ Шварца.

Корачоній разбираетъ этотъ вопросъ, въ своемъ учебникѣ и многочисленныхъ статьяхъ (см. между прочимъ уже упомянутую, „Magyarország Egyháztörténete főbb vonásaiban 970-től — 1900“, а затѣмъ — Történelmi házságok. Fordította Haller József. Magyarországi részt irt hozzá dr. Karácsonyi János. Историческая ложь. Перевелъ Іосифъ Галлеръ. Іоаннъ Корачоній дополнилъ мадьярскими частями Будапештъ, 1890).

Разсмотримъ аргументы обоихъ сторонъ.

I. Защитники положеній Шварца представляютъ начало христіанской религіи слѣдующимъ образомъ:

Когда мадьяры заняли территорію своего позднѣйшаго королевства, греки уже исповѣдывали христіанство.

До пришествія мадьяръ славянскіе князья, и въ первую очередь Сватоплукъ, Ростиславъ и Коцель, уже пребывали на позднѣйшей мадьярской территоріи и, опасаясь распространенія нѣмцевъ, послали своихъ пословъ въ Цареградъ къ императору Михаилу для обезпеченія своихъ политическихъ и церков-

ныхъ дѣлъ и стремились пріобрѣсти его благорасположеніе и дружбу. Они просили прислать имъ учителей и духовниковъ въ Паннонію и Дакію, чтобы тѣ принесли имъ св. Писаніе.

Такимъ образомъ христіанская религія была распространена среди народовъ позднѣйшей Мадьяріи еще до прихода самихъ мадьяръ, а въ томъ числѣ и въ средѣ „рутень“, причемъ всѣ эти народности были приверженцами восточнаго обряда, хотя въ болѣе позднее время, а особенно въ эпоху королей Гейзы и св. Стефана, было достаточно послѣдователей и обряда латинскаго.

Однако, все же греческій обрядъ былъ распространенѣе латинскаго. Объ этомъ свидѣтельствуется греческій монастырь въ Веспреймской долинѣ. Мадьярскій вождь Булчу обратился въ христіанство въ Царьградѣ, тамъ же крестился и Гиласъ (Gylas, Gyula) и привезъ съ собою Іероѡея, посвященнаго въ епископы патріархомъ царьградскимъ.

Немалое значеніе въ томъ, что мадьяры приняли христіанство имѣютъ и „рутены“. Многіе приняли христіанство уже во времена Іероѡея, крестилась и сама Шарлотта, дочь Gylas'а, князя Трансильваніи.

Въ первую очередь христіанство распространялось на славянскомъ языкѣ, особенно съ того времени, когда Михаилъ послалъ въ Дунайскія провинціи св. братьевъ Кирилла и Меѡодія.

Первые мадьярскіе короли, уже и послѣ Стефана проявляли большую любовь по отношенію къ русской народности и ея церкви.

Андрей I. женился на княжнѣ Анастасіи и учредилъ на Вышеградѣ монастырь для Василіанъ, просуществовавшій до 1221 года, а

такъ какъ королева пребывала въ Шарош-потокѣ, то вѣроятно монастырь этотъ былъ учрежденъ не только для нея. Карамзинъ свидѣтельствуесть, что вмѣстѣ съ Анастасіей прибыло въ Мадьярію много русскихъ и что монастырь былъ основанъ для нихъ.

Св. Ладиславъ принималъ святѣйшую евхаристію подъ двумя видами и говоритъ о духовникахъ женившихся дважды.

Король Коломанъ началъ поддерживать латинскій обрядъ и въ его правленіе латинскій языкъ сдѣлался языкомъ литургическимъ.

Король Эмерикъ (1196—1204) обратился къ папѣ Иннокентію III съ просьбой предоста-вить греко-католикамъ особую юрисдикцію, такъ какъ они имѣютъ много монастырей. Папа Иннокентій III побуждалъ Эмерика усилить латинизацію, указывая, что „греки“ имѣютъ много монастырей, въ то время какъ у латинянъ только одинъ.

Эти взгляды Мейсароша нашли много послѣдователей, особенно въ русской наукѣ. Такъ напр. Сильвай, написавшій статью въ опроверженіе Корачонія, а именно его разсужденія, напечатанаго въ „Katholikus Szemle“ (Католическій Обзоръ, 1900 г.) всецѣло раздѣляетъ выводы Мейсароша (см. Kelet ч. 33—37, 1900 г.)

Сильвай, помѣстившій статью подъ псевдонимомъ Geszteredi Uriel, кромѣ доказательствъ собранныхъ Мейсарошемъ, указалъ еще на кончелекъ св. Стефана, сохраняющійся у капудиновъ въ Бѣнѣ и изготовленный для короля его супругой Гизеллой съ кириллицкими надписями. Сильвай, подобно Стрипскому и Михаилу Артиму, приписываетъ большое доказательное значеніе въ вопросѣ первенства и преобладающаго характера восточной церкви древнему мадьярскому памятнику — Надгроб-

ной Рѣчи („Halotti beszéd“), якобы представляющему похоронный чинъ восточной церкви.

Изъ старшихъ историковъ подобнымъ образомъ представляютъ начала христіанской церкви въ Мадьяріи — Дечій и Будаи.

Катона и особенно Пальма являются представителями средняго пути.

Катона признаетъ, что въ Царьградѣ крещеніе приняли два вождя — Булчу и Гиласъ (Gylas, Gyula). Онъ считаетъ Шарлотту, дочь Гиласа, матерю св. Стефана, отвергаетъ свѣдѣнія польскихъ лѣтописей, которыя Корачоній, какъ увидимъ, полагаетъ въ основу своего мнѣнія.

Окончательный выводъ Катоны гласитъ такъ: первоначальный успѣхъ восточной церкви не былъ продолжителенъ.

Пальма выступилъ противъ выводовъ Шварца значительно рѣзче, однако и онъ долженъ былъ признать, что Гиласъ и Шарлотта были восточнаго обряда („görögök“ — греки), но Гейза и Стефанъ принадлежали уже къ западному обряду.

Стрипскій, разбирая интересующій насъ вопросъ, поставилъ задачею доказывать, что мадьяры получили христіанство отъ восточной церкви въ ея греческой, а не славянской формѣ.

Главныя утвержденія его сводятся къ слѣдующему.

Во время Гейзы и Стефана церковная жизнь была по формѣ греческая.

Іоаннъ Мелихъ въ своей сводной (резюмирующей) книгѣ о заимствованныхъ христіанскихъ словахъ указываетъ, что Мадьярія была утверждена въ христіанствѣ славянскими духовниками западнаго обряда. Однако начало, по свидѣтельству филологіи, было связано съ греческой церковью.

Мелихъ, кромѣ многочисленныхъ заимствованныхъ славянскихъ церковныхъ словъ отъ западно-католическихъ народовъ, нашелъ нѣсколько выражений греческаго обряда, что, по его мнѣнію, указываетъ на вліяніе болгарское (kereszt — крестъ, szombat — суббота, karácsony — крачуны).

Однако, какъ разъ эти нѣсколько словъ и являются свидѣтельствомъ тому, что вліяніе славянской церкви не было значительно, а слѣдовательно несомнѣнное вліяніе восточной церкви касалось мадьяръ и воздѣйствовало на нихъ въ ея греческой, а не славянской формѣ.

Мадьяры внѣ Мадьяріи имѣли сообщеніе съ греками и со славянами „греческой вѣры“. Эти славяне въ VIII и IX вѣкахъ были приверженцами греческой, а не славянской церкви. Владиміръ крестился не ранѣе 988 года и русская церковная іерархія въ теченіи 2—3 поколѣній была греческой. Автохтонное русское духовенство воспиталось не ранѣе XI вѣка.

Мадьяры за время своего пребыванія въ Лебедіасѣ общались съ христіанами „греческой вѣры“.

Стрипскій съ цѣлью большей доказательности своего мнѣнія, помимо уже извѣстныхъ историческихъ и филологическихъ доказательствъ, собралъ всѣ археологическія находки, яко-бы свидѣтельствующія о преимуществѣ, въ первую пору христіанства въ Мадьяріи, греческой вѣры и церкви.

По мнѣнію Стрипскаго къ тому можно еще привести слѣдующія доказательства.

Мадьярская корона королей является произведеніемъ греческаго искусства. Коронаціонный плащъ является только видоизмѣненіемъ греческой церковной одежды. Изобра-

женный на немъ иконостасъ напоминаетъ также греческіе иконостасы.

Законы св. Стефана составлены по греческимъ образцамъ, жупы св. Стефана образованы по образцу греческихъ *ἑματι*.

Слѣды греческаго престолонаслѣдованія встрѣчаются въ мадьярскомъ частномъ правѣ. (Werböczy).

Первыя мадьярскія монеты были отчеканены по греческимъ образцамъ.

Стрипскій приводитъ еще много подобныхъ культурно историческихъ аргументовъ, однако мѣстами его тенденція выступаетъ довольно ярко: онъ стремится поддержать претензіи „греко-католическихъ мадьярь“ на мадьярскую литургію.

Начало христіанства въ Мадьяріи обусловливалось трудами восточной церкви греческаго языка. Восточной славянской миссіи не было, а слѣдовательно не было и славянской литургіи.

Согласно законамъ св. Стефана надо было внимать чтенію св. Писанія, а слѣдовательно оно было написано на мадьярскомъ языкѣ.

Вышеприведенная „Надгробная рѣчь“ является памятникомъ восточной церкви мадьярскаго языка.

У Годинки исходнымъ пунктомъ рѣшенія интересующаго насъ вопроса являются выводы Миклошича, Ягича и Лескина.

Годинка ставитъ два вопроса, а именно: 1) является-ли восточный обрядъ болѣе древнимъ, чѣмъ западный и 2) былъ-ли восточный обрядъ славянскій или греческій?

Выводъ его говоритъ, что восточный обрядъ у мадьярь появился позднѣе западнаго всего на нѣсколько десятилѣтій, при чемъ онъ былъ не славянскаго, а греческаго типа.

Главными аргументами Годинки являются слѣдующіе факты.

Мадьярская миссія Іероѳея весьма сомнительна.

Церковная терминологія мадьярскаго языка явно отражаетъ вліяніе словенскаго языка. (Мелихъ).

Дѣятельность св. Меѳодія въ Панноніи не оставила никакихъ слѣдовъ.

На основаніи данныхъ можно установить, что въ XII—XIII вѣкахъ было всего четыре восточныхъ монастыря, при чемъ изъ нихъ возможно, что только Вышеградскій былъ русскимъ, всѣ же прочіе были греческими.

О жизни монастырей мы имѣемъ чрезвычайно скудныя свѣдѣнія.

Монастырь въ городѣ Марошъ („Оросла-ношій“) былъ воздвигнутъ мадьярскимъ вождемъ Айтоньемъ, крестившимся на границѣ X—XI вѣковъ. Этотъ монастырь кончилъ свое существованіе въ концѣ XIII вѣка.

Монастырь Веспреймскій былъ построенъ на основаніи грамоты, сохранившейся еще и донынѣ, по приказу св. Стефана „для душевнаго спасенія своего, народа и всего дома“. Въ XIII вѣкѣ греческій характеръ монастыря исчезъ и замѣнился латинскимъ.

Вышеградскій монастырь основанъ Андреемъ I-мъ (1046—1060), и также въ первой половинѣ XIII вѣка былъ латинизированъ.

Согласно указанію письма папы Климента VI, въ 1344 году былъ греческій монастырь въ Савосентдеметерѣ.

Въ отношеніи роли восточной церкви въ Мадьяріи — Корачоній занимаетъ самую радикальную позицію.

Прежде всего онъ совершенно отвергаетъ мадьярскую миссію Іероѳея.

Крещеніе двухъ вышеупомянутыхъ мадьярскихъ вождей по его мнѣнію совершилось значительно раньше 955 года, что же касается Θεοφιλάкта, который яко-бы посвятилъ Іерофея въ епископы, до 959 года патріархомъ не былъ.

По мнѣнію Корачонія матерью Стефана была не Шарлотта, дочь Гейзы, а Адельгейда или же Этель, сестра польскаго князя Мешко.

На вопросъ, поставленный нами — что общаго имѣетъ восточная церковь съ обращеніемъ мадьяръ въ христіанство, рѣшительно отвѣчаетъ: ничего.

II. Теперь намъ самимъ необходимо попытаться разобраться въ матерьялѣ и составить свое мнѣніе.

Что касается языковыхъ аргументовъ, то въ нашемъ вопросѣ они не могутъ имѣть рѣшающаго значенія.

Оставивъ въ сторонѣ то, что обособленіе отдѣльныхъ славянскихъ языковъ въ ту эпоху не было такъ рѣзко, какъ его утверждаютъ славянофилы, необходимо предположить, что мадьяры, еще до прибытія своего въ Паннонію, уже имѣли сношенія съ болгарами на Дунаѣ. Такимъ образомъ мадьяры имѣли возможность заимствовать у болгаръ, какъ объ этомъ предполагаетъ и Ягичъ.

То же слѣдуетъ сказать и о греческихъ археологическихъ находкахъ и нѣкоторыхъ вышеуказанныхъ культурно-историческихъ данныхъ мадьярскихъ, но по византійскому образцу. Они тоже дѣла рѣшить не могутъ, тѣмъ болѣе еще, что всѣ они носятъ характеръ чисто свѣтскій.

Такъ напр., относительно яко-бы введенныхъ на манеръ греческой имперіи (ῥωματικῆ) св. Стефаномъ — жупъ, Паулеръ того мнѣнія, что все это предполагаетъ съ гораздо боль-

шими основаніями вліяніе франкской державы (см. *A magyar nemzet története az Árpádok korában*. Исторія мадьярской націи во время Арпадовичей, Будапештъ, 1893 г., стр. 32).

Главнымъ преимуществомъ въ рукахъ приверженцевъ теоріи преобладанія восточной церкви въ первую эпоху существованія мадьярскаго государства являются предполагаемые слѣды законодательства восточной церкви въ Саболчскомъ законодательномъ собраніи въ 1092 году. Этотъ синодъ вынесъ, между прочимъ рѣшенія о бракѣ духовенства и постѣ.

Относительно брака духовниковъ было рѣшено, что пресбитеры и діаконы, женившіеся на дѣвицахъ, могутъ продолжать свою брачную жизнь, пока св. отецъ не дастъ по этому поводу распоряженія.

Однако синодъ весьма сурово выступилъ противъ духовниковъ, женившихся послѣ смерти первой жены — вторично (*bigami*), или же на женахъ разведенныхъ и вдовахъ. Сіи браки, по приказанію синода, должны были быть расторгнуты (см. *Magyarország egyházi és politikai összeköttetései a római szent székkal*. Церковныя и политическія связи Мадьяріи съ римскимъ престоломъ, написалъ Вильгельмъ Фракновъ, Будапештъ, 1901, т. I., стр. 28). Говорятъ, что эти рѣшенія были отголоскомъ Трульскаго синода (692). Однако мы должны знать, что западный обычай целибата только постепенно прокладывалъ свой путь.

Извѣстно, что папа Григорій VII особенно сурово относился къ женатымъ духовникамъ. Впрочемъ, что касается Мадьяріи, то извѣстно, что женатые люди сидѣли и на епископскихъ престолахъ.

Рѣшеніе Саболчскаго синода было согласно не только съ восточнымъ, но и западнымъ обычаемъ того времени

Синодъ въ Толедо въ 633 году вынесъ рѣшеніе аналогичное.

Подобный обычай терпѣлся и въ епархіи Пассавской. Принятому обычаю слѣдовалъ и св. Ладиславъ въ Саболчѣ.

Все это мнѣніе, однако, не зиждется на мнѣніи Катоны. Объясненіе Катоной Саболчскаго законодательства мы изложили выше (см. его Исторію т. I. стр. 445—447).

Тотъ же синодъ относительно поста вынесъ рѣшеніе, по которому латиняне („чужіе“) должны были придерживаться мадьярскаго обычая, какъ болѣе совершеннаго.

Въ чемъ состоитъ мадьярскій постъ?

Особенность его заключается въ томъ, что великій постъ начинается въ понедѣльникъ, а не съ такъ называемой пепельной среды, какъ въ настоящее время у латинянъ. При этомъ слѣдуетъ помнить, что пепельная среда на западѣ введена въ V столѣтіи. Однако силу этотъ обычай получилъ не ранѣе папства Урбана II въ 1091 году.

Правда, св. Ладиславъ причащался подъ двумя видами, какъ это и нынѣ еще происходитъ въ восточной церкви. До XII вѣка такой обычай былъ общимъ.

Изъ письма папы Иннокентія III отъ 1204 года къ Эмерику узнаемъ, что нѣкоторыя церкви, храмы „греческихъ“ монаховъ, благодаря нерадѣнію епархіальныхъ епископовъ, совершенно разорились, вслѣдствіе чего названный король просилъ папу, чтобы онъ утвердилъ для нихъ епископство, или же ихъ самихъ преобразовалъ въ аббатство или препозитуру (см. Исторію Катоны т. I., стр. 707).

Изъ этого факта видно, что до того времени въ Мадьяріи епископства восточной церкви не имѣлось.

Относительно же „Надгробной рѣчи“ слѣдуетъ признать, правильнымъ замѣчаніе Людвига Рейнера, а именно: если ее составилъ мадьярскій духовникъ „греческаго“ обряда, то какъ возможно, что память о ней сохранилась не въ греческомъ, а латинскомъ литургиконѣ (Katholikus Szemle — Католическій Обзоръ, январь 1902 г.)?

Послѣ предпосылки этихъ замѣчаній, касающихся аргументаціи различныхъ авторовъ, скажемъ, какъ мы представляемъ вопросъ о началѣ мадьярской государственности.

Во первыхъ слѣдуетъ помнить, что согласно вышесказанному ясно, что начало христіанства въ Мадьяріи связано съ христіанствомъ славянъ. Первые зародыши христіанскаго міровоззрѣнія мадьяры получили отъ русскихъ христіанъ.

Конечно, въ отношеніи этого утвержденія слѣдуетъ имѣть въвиду эпоху, христіанство той поры нельзя сравнивать съ современнымъ съ развитой іерархіей. Мы отнюдь не склонны принять мнѣніе Венелина и его послѣдователей, утверждавшихъ существованіе русской іерархіи уже въ III—IX вѣкахъ, однако все же русскіе могли познакомиться съ христіанствомъ и до Владиміра (988 г.)

Современное историческое изслѣдованіе не чуждо того положенія, что въ Россіи имѣлось много послѣдователей христіанства еще и до Владиміра. Нѣкоторые авторы видятъ попытку введенія христіанства уже въ договорѣ Игоря съ греками въ 945 году.

По мнѣнію Голубинскаго княгиня Ольга крестилась между 954—955 годами.

Императоръ Константинъ Багрянородный писалъ, что Ольга была въ 955 году въ Царьградѣ „со своимъ духовенствомъ“.

Не исключается возможность крещенія даже Аскольда, обосновавшагося въ Кіевѣ въ 862 году (см. Приселковъ: Очерки по церковно-политической исторіи Кіевской Руси въ X—XII в. в., Санктпетербургъ, 1913. и Пархоменко: Начало христіанства Руси въ IX—X в. в., Полтава, 1913, а также въ „Христіанскомъ чтеніи“ отъ декабря 1913 г.)

Принимая во вниманіе сообщеніе самихъ мадьяръ, засвидѣтельствованное самимъ Анонимомъ, мы въ правѣ предполагать, что впервые они познакомились съ христіанствомъ именно черезъ посредство русскихъ.

Позже ихъ христіанское міросозерцаніе углублялось благодаря брачнымъ связямъ съ русской династіей.

Константинъ Кирилль въ 860 году проповѣдывалъ въ Херсонѣ, гдѣ въ то время находилась группа мадьяръ, которая спокойно выслушивала его увѣщательныя слова. Говорилъ онъ, вѣроятно, на хозарскомъ языкѣ, такъ какъ въ то время хозары были съ мадьярами въ союзѣ (см. Паулера — Исторію мадьяръ до св. Стефана, стр. 171, замѣч. 41).

Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что въ средѣ тѣхъ русскихъ, которые подъ Кіевомъ присоединились къ мадьярамъ, христіане уже были. Что же касается возраженія, что изъ Руси въ то время христіанство получаться не могло, главнымъ образомъ потому, что не было іерархическихъ кадровъ и что русское христіанство было по существу греческимъ, то его слѣдуетъ признать неумѣстнымъ. Мы можемъ дѣлать подобное утвержденіе только въ отношеніи іерархіи высшей, но ни въ какомъ случаѣ къ духовенству вообще.

Еще до 1240 года, какъ извѣстно, болѣе 20 монаховъ изъ Кіевской Лавры, очага древней русской церковной культуры, сдѣлались епископами.

Въ Новгородѣ въ періодъ 1165—1186 г. г. былъ епископомъ Илья-Іоаннъ мужъ исключительнаго національнаго чувства (см. Государство и церковь въ древней Россіи = Л. К. Гетца, Берлинъ, 1908, на нѣмецкомъ языкѣ, стр. 13—14).

Нѣтъ сомнѣній, что и русское христіанство на первыхъ порахъ стояло въ общеніи съ Римомъ. Вѣдь церковный раздоръ закончился въ 1054 году, а потому естественно, что онъ проникъ въ Россію не съ христіанствомъ, а лишь съ теченіемъ времени усиливался подъ вліяніемъ высшей греческой іерархіи.

Еще въ 1073 году Изяславъ Ярославичъ въ своемъ спорѣ со Святославомъ обратился за помощью къ папѣ Григорію VII, и папа предложилъ ему царство отъ имени св. Петра (см. у Гетца, стр. 67).

Дѣятельность св. Меѳодія также подготовила почву къ принятію христіанства мадьярами. Не станемъ, однако, отрицать, что и до него христіанство тутъ уже было извѣстно, благодаря западнымъ проповѣдникамъ, однако мы рѣшительно противъ того мнѣнія, что миссія св. Меѳодія осталась совершенно безъ значенія.

„Славянскіе апостолы, говоритъ Ягичъ, провели достаточно продолжительное время въ княжествѣ Коцела при блатенскомъ озерѣ прежде, чѣмъ отправились въ Римъ“.

Впервые они вѣроятно были тамъ въ 866—867 г. г. Впредь до возвращенія Меѳодія изъ Рима славянская литургія въ этихъ мѣстахъ имѣла большое значеніе (Jagič: Entstehungsgeschichte der Kirchenslavischen Sprache,

Исторія происхожденія церковно-славянскаго языка, Берлинъ, 1913, стр. 43).

Самъ Коцель былъ въ значительной мѣрѣ заинтересованъ происходящимъ и потому просилъ папу Адріана, чтобы онъ уполномочилъ Меѳодія на дѣйствованіе въ Панноніи и посвятилъ его въ епископы.

Правда, ученики Меѳодія были высланы, однако, ошибочно было бы полагать, что вмѣстѣ съ тѣмъ и славянская литургія была искоренена (см. тамъ-же, стр. 97).

Государство Болеслава II (967—999) находилось въ соприкосновеніи съ областями населенными „рутенами“. Извѣстно, что монахи, питомцы св. Прокопія, будучи изгнаны, отправились въ Мадьярію, откуда приказалъ ихъ снова возвратить на родину Вратиславъ II (1061—1092). Если монахи эти попали въ Мадьярію, то вѣроятно въ область словацко-„рутенскую“.

Ягичъ указываетъ на одинъ церковный русско-болгарскій памятникъ, происходящій изъ „рутенскихъ“ областей Мадьяріи (тамъ-же, стр. 105).

По мнѣнію Паулера народъ въ Панноніи былъ укрѣпленъ въ христіанскомъ сознаніи дѣятельностью Меѳодія.

Однимъ словомъ по всѣмъ даннымъ мадьяры по своемъ прибытіи на свою родину нашли тамъ почву подготовленную для христіанства проповѣдниками восточно-славянской церкви.

Дальнѣйшая судьба Мадьярской церкви связана уже съ дѣятельностью и миссіонерствомъ греческой церкви.

Къ сожалѣнію объ этомъ намъ извѣстно очень немного. Мы ничего не знаемъ и о томъ — на какомъ языкѣ дѣлались попытки распространенія греческой церкви.

Не вдаваясь въ толкованіе этого вопроса, по недостатку свѣдѣній, приведемъ только нѣсколько историческихъ фактовъ.

О греческихъ попыткахъ свидѣтельствуютъ слѣдующіе греческіе писатели XI вѣка: Скулитцесъ (Scylitzes), Куропалатисъ, Кедроносъ и Зонарасъ.

По ихъ свидѣтельству два мадьярскихъ вождя Булчу и Гиласъ въ 950 году крестились въ Цареградѣ, при чемъ Гиласъ привелъ съ собою монаха Іероѳея, котораго царьградскій патріархъ посвятилъ въ епископа турокъ (т. е. греческіе писатели часто называютъ мадьяръ — турками) и который въ послѣдствіи многихъ обратилъ въ христіанство.

Въ достовѣрности этихъ свѣдѣній нѣтъ никакой причины сомнѣваться, и они, между прочимъ, принимаются многими критиками, которые отвергаютъ мнѣніе Шварца.

Поэтому не является противорѣчающимъ и тотъ фактъ, что писатели, жившіе въ срединѣ X столѣтія ничего не говорятъ о значеніи проповѣди Іероѳея. Молчаніе только противится предположенію, что въ христіанство былъ обращенъ *весь* народъ. Ни Катона, ни Пальма не отвергаютъ греческое свѣдѣніе. Правда, Пальма дѣлаетъ ограниченіе въ томъ смыслѣ, что ограничиваетъ дѣятельность Іероѳея только на Трансильванію и держится того мнѣнія, что эта дѣятельность не имѣла значенія болѣе широкаго, т. е. не распространялась на всю Мадьярію.

Возраженія нѣкоторыхъ ученыхъ, въ томъ числѣ и Корачонія, что Теофилактъ не могъ посвятить Іероѳея по той простой причинѣ, что въ 959 году онъ, т. е. Теофилактъ еще не былъ патріархомъ, слѣдуетъ признать не-

умѣстными. Возражающіе смѣшиваютъ двухъ императоровъ : Романа I-го и Романа II-го.

Ееофилактъ былъ сыномъ Романа I-го, который и посадилъ своего сына на царьградскій патріаршій престолъ.

Ееофилактъ былъ патріархомъ въ періодъ 933 - 956 г. г., слѣдовательно какъ разъ въ тотъ срокъ, когда по Кедроносу совершилось посвященіе Іероѡея. Романъ II при смерти Ееофилакта былъ 25 лѣтнимъ, а слѣдовательно и не могъ имѣть сына по своему возрасту достойнаго посвященія (Századok — Вѣна, 1900 г., стр. 363).

Корачоній не имѣетъ удачи и съ отрицаніемъ того, что Шарлотта, дочь крестившагося въ Царьградѣ Гиласа, была матерью св. Стефана.

Въ данномъ случаѣ Корачоній отвергаетъ мнѣніе всѣхъ мадьярскихъ лѣтописей и принимаетъ только свидѣтельства польскихъ источниковъ.

Польскія лѣтописи на два столѣтія древнѣе мадьярскихъ и онѣ свидѣтельствуютъ о томъ, что матерью св. Стефана была Аделейда или же Этель, сестра польскаго князя Мешко.

Еіетмаръ, епископъ Мерсебургскій (1018) считаетъ польскаго князя Прокуя дядею св. Стефана. Однако это возможно только въ томъ случаѣ, если матерью св. Стефана была польская княжна.

Противъ мнѣнія Корачонія можно привести утвержденія столь авторитетныхъ историковъ, какъ Паулеръ и Таллоцій, не говоря уже о болѣе старшихъ. Что Шарлотта была матерью св. Стефана, даетъ свѣдѣнія Анонимъ, специально занимавшійся царскимъ родословіемъ и Симеонъ Кейзай, придворный духовникъ Ладислава IV, также не могшій не знать королевскаго родства. Они же говорятъ

только о „Шарольтѣ“, какъ матери св. Стефана. Таллоцій замѣчаетъ, что св. Стефанъ вѣроятно благодаря внушенію Шарлотты, исповѣдующей греческую церковь, заложилъ греческій монастырь въ Вышеградѣ для Васильянокъ, правда, не „схизматическій“.

Изъ всего видно, что мы можемъ вмѣстѣ съ Паулеромъ утверждать, что дѣятельность Іерооѳея была не безуспѣшна.

Остановимся еще на одномъ славянскомъ памятникѣ, переведенномъ съ греческаго подлинника XIV столѣтія, на который въ 1896 году обратилъ вниманіе Ягичъ.

Этотъ памятникъ также говоритъ о крещеніи двухъ мадьярскихъ вождей — Гиласа и Булчу, но прибавляетъ: „Ранѣе, чѣмъ пришли греческіе епископы въ ихъ государство и наставили бы словомъ Писанія, тотчасъ одинъ изъ двухъ вождей именемъ Стефанъ, исполненный христіанской вѣры, умеръ, совершивъ много богоугодныхъ дѣлъ, и вошелъ въ царствіе небесное. Скоро съ востока, съ сѣвера, съ юга много народовъ проникло, потрясенія и страхъ постигли греческое царство, такъ что не могли утвердить этотъ паеонскій (мадьярскій) народъ въ христіанской вѣрѣ. И не имѣли книгъ, писанныхъ на своемъ языкѣ. Латиняне, замѣчая въ этомъ выгодную для нихъ бездѣйственность, отправились изъ Рима и обратили своими книгами и письмомъ — паеоновъ, которые назывались уграми, а также и прочихъ сосѣднихъ съ ними народовъ: гунновъ и ипидовъ въ свою безбожную вѣру.“

Во первыхъ памятникъ этотъ по своему происхожденію болѣе поздній, чѣмъ всѣ прочіе греческія свидѣтельства.

Если же кто нибудь будетъ настаивать на его исключительномъ значеніи, то онъ дол-

женъ учеть и то, что онъ говоритъ не объ одномъ греческомъ епископѣ, но о „греческихъ епископахъ“.

Впрочемъ памятникъ далеко не ясенъ и допускаетъ разныя объясненія.

Стрипскій, напр., воспользовался имъ для пропаганды въ интересахъ мадьярской литургіи. Таллоцій выводитъ изъ него, что „греческіе епископы“ и не вошли въ Мадьярію.

Паулеръ противится такому мнѣнію и доказываетъ, что „греческіе епископы“, согласно тому, что хотѣлъ сказать писатель, только не могли укорениться въ своей мадьярской миссіи.

Не будемъ отрицать, что греческій памятникъ въ подлинникѣ древнѣе славянскаго перевода, однако онъ никоимъ образомъ не древнѣе XI вѣка, то есть эпохи вышеупомянутыхъ греческихъ свидѣтелей. Благодаря этому мы не можемъ давать ему и особыхъ преимуществъ, какъ свидѣтельству о началѣ христіанства въ Мадьяріи.

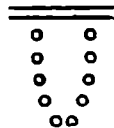
На основаніи всего вышеизложеннаго на поставленный нами вопросъ мы можемъ отвѣтить слѣдующимъ образомъ:

Начала христіанской религіи въ Мадьяріи связаны точно съ дѣятельностью восточныхъ церквей, и то въ первую очередь русско-славянскаго, а потомъ греческаго обряда.

Однако объ успѣхахъ этой миссіи мы имѣемъ весьма скудныя свѣдѣнія.

Мы не можемъ никоимъ образомъ говорить о епископствѣ Мукачевскомъ, какъ основанномъ св. Меѳодіемъ въ Панноніи. Ошибочно думать, что понятіе Панноніи равносильно съ территоріей Мадьяріи.

О религіозныхъ отношеніяхъ-же въ области нынѣшней „Подкарпатской Руси“ на первыхъ порахъ мадьярскаго государства неизвѣстно почти ничего опредѣленнаго.

ОПЕЧАТКИ:

На стр. 14., строка снизу 16-я вмѣсто „бессермены“ слѣдуетъ поставить „печонѣги“.